

Подытоживая все вышесказанное, можно сделать вывод, что культурная значимость ценностей театрального пространства имеет двойственную направленность. Ценностные основания возникают в результате театрального процесса. Они составляют и эстетические, и этические, и литературные, и политические, и ритуальные, и даже материальные (декорации, бутафория, костюмы и т.д.) ценности. Такая многогранность локализации приводит к возникновению противопоставления «пространство театра» – «театральное пространство». Пространство театра имеет более локальный характер, менее подвижно, привязано к определенному материализованному театральному пространству как месту расположения театра в пространстве города, жизни. Театральное же пространство имеет более широкие границы, больший спектр распространения, к тому же театральное пространство – это определение, включающее в себя все особенности театра, именно его употребляют, когда имеют в виду все многообразие форм существования театра.

УДК 316.3

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЖИВОТНЫХ В СВЕТЕ СОЦИОБИОЛОГИИ

А.И. Парфёнов

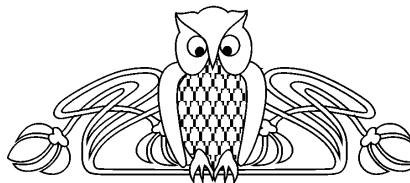
Саратовский государственный университет
E-mail: anteater1@yandex.ru

Выявление собственно социальных отношений между животными и в то же время прямые аналогии человеческого общества с сообществами представителей животного мира (как правило, с насекомыми и стадными животными) характерно для современной социобиологии, науки родившейся на границе между социальной философией и зоологией. Вряд ли уместно строить однолинейные, жесткие модели социальной эволюции человека или основывать их на анализе поведения какого-либо одного вида приматов или только сообществ охотников. Различия в социальном поведении между видами (или популяциями) специалисты в области социозологии склонны объяснять, исходя из характера распределения пищевых ресурсов и репродуктивных партнеров в пространстве.

Ключевые слова: социальный порядок, этология, социобиология, власть, социальные животные.

Примечания

- ¹ См.: Гуткин О.В., Листвина Е.В., Петрова Г.Н. и др. Феномен культурного пространства. Саратов, 2005.
- ² См.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- ³ Гуткина И.М. Театральное пространство Саратова // Пространственность развития и метафизика Саратова. Саратов, 2001. С.68.
- ⁴ Пави П. Словарь театра. М., 2003. С.43.
- ⁵ Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 2005. С.397.
- ⁶ Гуткина И.М. Указ. соч. С.69.
- ⁷ Леонтьева Э.В. Эволюция театрального пространства в свете общения сцены и зала // Пространство и время в искусстве. Л., 1988. С.131.
- ⁸ См.: Лотман Ю.М. Семиотика сцены // Театр. 1980. №1. С.89-99.
- ⁹ См.: Арто А. Манифесты. Драматургия. Лекции. Философия театра. СПб.; М., 2000.
- ¹⁰ Брехт Б. Театр: Пьесы. Статьи. Высказывания. Перевод: В 5 т. М., 1969.
- ¹¹ Возгрицева К.И. Театральное пространство: культурологический аспект // Изв. Уральского гос. ун-та. 2005. №35. С.60.
- ¹² Возгрицева К.И. Указ. соч. С.58.
- ¹³ Лотман Ю.М. Семиотика сцены. С.51.
- ¹⁴ Пространство и время в искусстве. Л., 1988. С.151.

Social Relations of Animals in the Light of Sociobiology

A.I. Parfenov

Revealing of actually social attitudes between animals, and during too time, direct analogies of a human society to communities of representatives of fauna (as a rule, with insects and gregarious animals) is characteristic for modern sociobiology, science born on border between social philosophy and zoology. Hardly pertinently to build one-linear, rigid models of social evolution of the person or to base them on the analysis of behavior of primates or communities of hunters. In social behavior between kinds (or populations) experts in the field of socio-ecology are inclined to explain distinctions, proceeding from character of distribution of food resources and reproductive partners in territory.

Key words: social order, ethology, socio-biology, power, social animals.

Выявление собственно социальных отношений между животными и в то же время прямые аналогии человеческого общества с сообществами представителей животного мира (как правило, с насекомыми и стадными животными) характерно для современной социобиологии, науки, родившейся на границе между социальной философией и зоологией. Теоретические основания социобиологического подхода к проблеме социального порядка следует искать в работах философов, социологов и биологов XIX в., позитивно воспринявших идеи эволюционизма, тесно связывавшего социологию с этнологией, решая общие для них проблемы генезиса общества и культуры. Этим объясняется исключительное внимание тогдашней социальной философии к первобытной истории и к сравнительным исследованиям происхождения и развития общественных институтов бесписьменных народов, культура которых передавалась преимущественно в устной традиции.

Наиболее явно идеи аналогии между природным и социальным порядками проявились в творчестве представителей «био-органической школы» – французского философа-эклектика и социолога А. Фулье (1838–1912), а также биолога и социолога А. Эспинаса (1844–1922). Общество, по Фулье, – это психический, «договорный» организм, существующий только через индивидов, обусловленный коллективной наследственностью, социальным детерминизмом и «свободным контрактом». Эспинас, которого можно назвать одним из ранних предшественников зоопсихологии и этологии, считал, что зоология, изучая ассоциации между особями животного царства, содействовала рождению социальной науки. В своей работе «Социальная жизнь животных» он утверждал, что аналогии между этими ассоциациями и социальным порядком более оправданы, чем рассмотрение структуры клеток в качестве модели «социального организма»¹.

На примере психологии социальных животных Эспинас мастерски объяснил психологию толпы. Как среди пчел или птиц, целая стая которых при малейшем ударе крыла охватывается непобедимой паникой,

точно так же и среди людей какое-нибудь «душевное движение» распространяется, благодаря внушению, только на основании того, что они видят или слышат, и даже прежде, чем будут известны мотивы такого душевного состояния.

В то же время значительное влияние на социальную философию оказывал и социал-дарвинизм. Влияние дарвинизма так или иначе сказалось на концепциях различных ученых, в частности Г. Тарда, Л. Уорда, Ф. Гиддингса, Э. Дюркгейма. Дарвинизм играл роль вспомогательного методологического инструмента. Однако некоторые мыслители сделали теорию биологической эволюции непосредственным основанием своих социологических теорий, рассматривая естественный отбор и борьбу за существование как главные факторы социальной жизни.

Степень уподобления социальных процессов биологическим у социал-дарвинистов была различной. Некоторые из них строили свои концепции непосредственно на основе дарвинистских принципов (В. Шальмайер, Г. Мацат). Другие рассуждали о специфике проявления этих принципов в области социальной жизни, оставаясь в рамках той же концептуальной схемы. Так, итальянский социолог М. Ваккаро (1854–1937) в книге «Борьба за существование и ее последствия для человечества» (1885) стремился показать, в чем состоит различие между борьбой за существование среди животных, с одной стороны, и среди людей, с другой. У. Беджгот (1826–1877), английский публицист, экономист и политолог, в книге «Физика и политика» (1872) также попытался применить принципы дарвиновской теории в социальной науке. Он подчеркивал огромную роль естественного отбора главным образом в начальный период человеческой истории. Ч. Х. Кули в своей работе «Человеческая природа и социальный порядок» (1902), исходя из эволюционистской теории, пишет о наследственности и инстинктах как факторах, в известной степени, детерминирующих социальный порядок². Отвергая вульгарный натурализм, он не отбрасывает общемировоззренческие представления о единстве природной и социальной эволюции. Природу человека Кули

понимал как единство определенного набора «бесформенных импульсов и способностей», передаваемых с помощью механизмов наследственности, и социальной природы, вырабатываемой во взаимодействии в первичных группах.

На рубеже XIX и XX вв. казалось, что теория эволюции установила преемственность между природой и человеком, между естественными науками и науками о человеке. Однако характерные для XIX в. спекулятивные реконструкции анатомической, психологической и социальной эволюции человечества привели к тому, что в начале следующего столетия эволюционные идеи оказались скомпрометированы в глазах многих гуманитариев. Работы Э. Дюркгейма в социологии, Б. Малиновского в социальной антропологии и Ф. Соссюра в лингвистике касались современных структур и процессов и исключали эволюционное измерение.

В середине XX в. аргументы в пользу биологии вновь проникли в науки о человеке. Исследования животных и растений в естественной среде, а также изучение индивидуальности животных, в особенности домашних, стали необычайно популярны, а исследователи получали видимое удовольствие от сравнения повадок животных и поведения человека. Зоопарк и сад стали местом, где сошлись вместе интересы ученых и общественности. В 1940-е гг. новая наука – этология – объединила естественную историю, с ее изучением поведения животных в натуральных условиях, и университетскую лабораторную науку. Желание познать «естественное животное» находило параллели в морали и эстетической доминанте общества, которое отдавало предпочтение натуральному перед искусственным. В контексте этологии тех лет австрийский биолог К. Лоренц (1903–1989) создал свою знаменитую «теорию агрессии». Когда он сравнивал домашних животных с дикими и отмечал потерю у первых инстинктивной жизненной силы, это соответствовало тому, что и он, и многие другие воспринимали как исчезновение из современной жизни «естественных» ценностей. В 1939 г. Лоренц сравнивал одомашнивание животных с вредным влиянием жизни в городах, а в 1963 г. –

интерпретировал политическую активность как деформацию агрессивных инстинктов.

Лоренц показал, что у «территориальных» животных, занимающих определенный охотничий участок, социальному инстинкту противостоит открытый им инстинкт внутривидовой агрессии, отталкивающий друг от друга любых особей одного вида. Поведение территориальных животных определяется динамическим равновесием этого инстинкта с «притягивающими» инстинктами – половым и, в случае общественных животных, социальным инстинктом. Эволюция, пройденная человеком, привела к усилению социальных инстинктов, что выразилось в становлении социального порядка определённого типа. Лоренц выявляет четыре типа общественной организации, характерные для популяций животных:

первый – это «анонимная стая», свободная от какой-либо агрессивности, но в то же время лишенная и личного самосознания, и общности отдельных особей;

второй – семейная и общественная жизнь, основанная лишь на локальной структуре защищаемых участков;

третий – «гигантская семья крыс, члены которой не различают друг друга лично, но узнают по родственному запаху и проявляют друг к другу образцовую лояльность; однако с любой крысой, принадлежащей к другой семье, они сражаются с ожесточеннейшей партийной ненавистью»;

четвертый тип общественной организации – это такой, «в котором узы личной любви и дружбы не позволяют членам сообщества бороться и вредить друг другу». Эта форма сообщества во многом аналогична человеческому в его лучших проявлениях³.

С точки зрения Лоренца, социальный порядок, все культурные практики, установленные людьми, формируются «филогенетически» и полностью аналогичны практикам взаимоотношений между особями сообществ животных. Развившиеся в культуре социальные нормы и ритуалы так же характерны для малых и больших человеческих групп, как врожденные признаки, приобретенные в процессе филогенеза, характерны для подвидов, видов, родов и более крупных таксоно-

мических единиц. Историю их развития можно реконструировать методами сравнительного анализа. Их взаимные различия, возникшие в ходе исторического развития, создают границы между разными культурными сообществами, подобно тому, как дивергенция признаков создает границы между видами⁴.

Эволюционный подход к проблеме агрессии и примирения позволил выявить сходство и различие механизмов поведения у животных (в первую очередь, приматов) и человека. Агрессивное поведение человека и приматов ритуализовано, механизмы контроля агрессии тесно связаны с особенностями социологии вида и с типом хозяйства. Связь более высокого уровня агрессивности с мужским полом у человека может быть следствием его патрилинейности. Социализация, несомненно, играет важную роль в освоении конкретных моделей агрессивного поведения: в репертуаре человека имеются глубинные этологические механизмы контроля агрессии и восстановления дружественных связей. Эти механизмы действуют по тем же законам, что и у приматов. У человека наблюдается четкая дифференциация постконфликтных стратегий на две фазы: сигнала о намерении прекратить агрессивные действия и сигнала собственно примирения. Для человека типичны повышение заинтересованности агрессора в восстановлении социальных контактов, разделение ответственности за содеянное родственниками агрессора и усиление роли посредников в урегулировании конфликта. Качественно новый для человеческого общества феномен – распространение действия механизмов примирения на межгрупповые отношения. Культурные обряды примирения играют роль важнейших поведенческих адаптаций, способствующих выживанию человека как вида. Культура придает ритуалам агрессии и примирения фундаментально новые свойства, делая их глубоко символическими и осмысленными⁵.

Итак, отдельные стада гоминид сумели выжить, выработав искусственные (надынстинктивные) инструменты коллективной регуляции (формы протокультуры и протоморали). Агрессия была переориентирована

на внешний мир – на «чужие» стада, представители которых воспринимались как особи иного вида, общая ненависть к «чужакам» обеспечила активную внутривидовую солидарность⁶. Тем самым образовался новый вектор естественного отбора, который антропологи назвали гregarно-индивидуальным отбором (от греч. *gregus* – стадо). Его суть в том, что стадо с лучше отработанными кооперативными отношениями, обеспечивавшими большее разнообразие индивидуальных качеств, получало стратегическое преимущество в конкуренции. Во внутренне сплоченных стадах под коллективной опекой ослабевало давление биологического отбора. Шанс выжить и оставить потомство получали особи с менее развитой мускулатурой, менее агрессивные, но с более развитой нервной организацией. Они были способны к действиям, обычно не дающим индивидуальных адаптивных преимуществ: сложным операциям, связанным с производством орудий, поддержанием огня, лечением соплеменников, передачей информации и т.д. При естественном отборе такие умельцы были бы обречены на гибель или, во всяком случае, попав под жесткую систему доминирования и имея, как правило, очень низкий ранг в социальной иерархии, не оставляли бы потомства⁷. Приведенная концепция наглядно демонстрирует, как на основе теории агрессии в рамках этологии исследовалась проблема генезиса социального порядка.

В 1970-е гг. группа ученых-эволюционистов выступила с идеей социобиологии – дисциплины, призвавшей соединить теорию естественного отбора, этологию и знание о человеке. Именно на этом фоне появилась книга Э. О. Уилсона «Социобиология: новый синтез» (1975), за которой последовала работа «О человеческой природе» (1978). Уилсон – биолог из Гарвардского университета, специалист по социальной жизни муравьев, определил новую науку – социобиологию как «систематическое исследование биологической основы всех форм социального поведения, у всех организмов, включая человека». С его точки зрения, социальный порядок может быть понят биологически, иными словами, в его основе лежат стратегии «человече-

ского животного» на выживание⁸. В конечном счете, считал Уилсон, даже научному разуму придется столкнуться с ограничениями, накладываемыми нашей эволюционной наследственностью. Только наследственность определяет «базовые правила человеческого поведения»⁹. Уилсон и его последователи убеждены, что в будущем биология сомкнется с социальными науками, как она уже смыкается с науками физическими. «Все чаще и чаще мы будем видеть, что такие дисциплины, как психология, социология и антропология будут включать в свои теории результаты, полученные ранее биологами. Соответственно на долю философов будет приходиться все более важная роль, и, наоборот, сближение биологических и социальных наук может, как мне думается, пролить новый свет на такие традиционно-философские проблемы, как проблема свободной воли и детерминизма или проблема природы телесного и духовного и отношений между ними»¹⁰.

Итак, социобиология представляет собой распространение принципов популяционной биологии и эволюционной теории на социальную организацию. Уилсон формулирует два основных постулата. Первый – у вида (включая человека) не может быть трансцендентальных целей, возникших вне его собственной биологической природы. Человека нельзя считать биологической машиной, но в нем есть биологические механизмы, не допускающие целей и социальных действий, противных его биологической природе. Второй – особенности природы человека лишь малая часть свойств природы других видов, большинство стереотипных форм поведения человека свойственны другим живым существам, а во многих отношениях (например, в кооперации, разделении труда, альтруистическом поведении) люди уступают сообществам насекомых. Поэтому определить ценность или вред детерминирующего человеческого поведение врожденных характеристик можно, лишь проникнув «в самую сердцевину нашей гуманности», глубоко изучив эволюцию социального поведения всех живых существ¹¹.

В своих публикациях Уилсон конкретизировал те способы, с помощью которых, как он полагал, на основе теории естественного отбора можно предсказывать человеческое поведение. К примеру, социобиологи объясняли запрет на инцест и стремление женщин выходить замуж за более богатого и знатного (или, по крайней мере, за равного) по положению и состоянию мужчину как составной элемент наследственной стратегии. Таковой они считали стратегию сообщества охотников и собирателей на избегание вредных последствий близкого скрещивания и увеличение способности к воспроизводству. Уилсон также сравнивал подобные современные сообщества с ранней стадией эволюции человечества. Он выбрал четыре категории поведения: агрессию, секс, альтруизм и религию, назвав их «элементарными», и предложил анализировать каждую как часть наследственной стратегии социального животного на выживание¹². «Генетическая предрасположенность людей к объединению и внутригрупповому альтруизму»¹³ стала излюбленной темой многих социобиологов. Социобиологи остаются естествоиспытателями и тогда, когда входят в сферу общественных явлений. Преобладающий акцент именно на биологию приводит к суждениям типа провозглашенного Уилсоном в первой же работе – «изъять этику из рук философов и биологизировать ее»¹⁴.

Альтруизм давно, еще до Дарвина, рассматривался как первый претендент на звание основного фактора социальной эволюции. Но эпоха эволюционизма заместила его противоположностью – индивидуальной борьбой за существование, поэтому альтруизм вплоть до самого последнего времени хотя и оставался в поле зрения теоретиков, но на периферии их внимания. Биолог У. Гамильтон в 1964 г. сумел построить модель, в которой альтруизм оказался функцией, производной от борьбы за существование. Альтруизм был воспринят в качестве ведущего фактора эволюции социальной жизни животных¹⁵.

В начале 1960-х гг. советский генетик В. Эфроимсон писал, что альтруизм может проявляться не только у человека, но и у

наиболее высоко организованных животных. Биологическое происхождение альтруизма он справедливо связывал с образованием механизмов полового влечения и заботы о потомстве, которые наследственно закреплены отбором у очень многих животных. «Естественное до сих пор мало соприкасалось с проблемами этики и морали. Между тем биологические основы этики и альтруизма человека, порожденные, по-видимому, естественным отбором, и выросший на их основе целый комплекс общечеловеческих чувств и эмоций представляют собой своеобразный универсальный язык, связывающий человечество в единую семью»¹⁶.

Необходимо отметить влияние на становление социобиологии науки о социальных насекомых – муравьях – мирмекологии. Её основателем считается американский энтомолог и этолог У. М. Уилер (1865–1937). В 1911 г. он опубликовал статью «Колония муравьев как организм», в которой развил концепцию социального «суперорганизма». В ней он сравнивал отдельных муравьев с клетками организма, так как все они делятся по строению и функциям на разные группы, передают информацию, рождаются, живут и погибают. И именно муравейник (социум), с точки зрения Уилера, является единицей естественного отбора¹⁷. Основатель социобиологии Э. Уилсон – крупнейший мирмеколог современности, в 1971 г. им была опубликована фундаментальная работа «Сообщества насекомых». В ней дается полный обзор всех сторон жизни, экологии и этологии общественных насекомых (муравьев, пчел, ос, термитов), это одна из самых цитируемых книг в биологии. В книге 1990 г. «Муравьи» Уилсон (в соавторстве с Б. Холлдоблером) предложил монументальный обзор всех знаний, накопленных человечеством о муравьях.

Вариабельность социальных структур животных обусловлена многим: экологическими условиями, временем года и реальными погодными условиями, наличием соседних сообществ (т.е. плотностью популяции) или второй близкородственной группы, претендующей на сходные ресурсы питания. Немалую роль в социальной эволюции могут играть история конкретной группы и внутри-

групповые традиции. Известно, например, что шимпанзе сильно отличаются характером использования орудий, техникой добычи пищи, индивидуальными привязанностями взрослых особей. Социальные структуры и отношения в сообществах обезьян действительно разнообразны, поэтому вряд ли уместно строить однолинейные, жесткие модели социальной эволюции человека или основывать их на анализе поведения какого-либо одного вида приматов или только сообществ современных охотников-собираателей. Различия в социальном поведении между видами (или популяциями) специалисты в области социозологии склонны объяснять, исходя из характера распределения пищевых ресурсов и репродуктивных партнеров в пространстве¹⁸.

Специалист в области этики, преподаватель Оксфордского университета С. Кларк в книге «Природа зверя. Моральны ли животные?» (1982) утверждает, что философам-этикам стоило бы углубить свои познания посредством обращения к данным этологии и психологии животных. Ведь у животных есть не только то, что люди должны отвергать как собственную «животность» – у них есть и то, чему следовало бы научиться и человеку. Говоря непосредственно о позиции Уилсона, Кларк пишет: «Конечно, хорошо, что мы можем видеть в звере начало человеческой моральности, пусть и в простой форме. То, что животное и человеческое поведение целиком отличны, я нахожу неправдоподобным. Многие из наших отношений уважения и заботы зависят от нашего кровного родства, и потому они либо врожденны, либо им легко обучиться. Мы разделяем это с нашими братьями-приматами»¹⁹.

Критики социобиологии видели в ней вульгарное сведение человеческой сущности к единственному биологическому измерению. Они связывали социобиологию с реакцией против левого либерализма 1960-х гг., который проповедовал свободный выбор образа жизни, а также с ростом в США влияния «новых правых», веривших в то, что крайний индивидуализм – это «естественное», нормальное состояние. Одними из самых горячих противников социобиологии были пред-

ставители феминистской критики. Консервативные авторы, напротив, были рады найти в ней поддержку естественности таких феноменов, как семья, собственность, стремление к материальному вознаграждению. Биологический взгляд, объяснявший происхождение этих ценностей природной эволюцией, был для них весьма привлекательным. Те же, кто стоял на левых политических позициях, видели в социобиологии отрицание социально-исторического характера человеческих ценностей, деятельности и институтов. Социобиология и биополитика (наука, изучающая формы политического мышления и поведения на основе биологической мотивации как отдельных индивидуумов, так и целых сообществ), тем временем, выделились в самостоятельные дисциплины.

Примечания

¹ См.: Эспинас А. Социальная жизнь животных. СПб., 1898.

² См.: Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000.

³ Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994. С.8–9.

⁴ См.: Лоренц К. Указ. соч.

⁵ См.: Бэррон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1997.

⁶ См. подробнее: Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М., 1974.

⁷ См.: Назаретян А. Архетип восставшего покойника как фактор социальной самоорганизации. Экзистенциальный кризис антропогенеза в свете гипотезы техногуманитарного баланса // Русский журнал. 2002. 15 авг.

⁸ Цит. по: Neimark J. Wilson is on top of the world // Psychology Today. 1998. Vol.31, iss.5. September–October. P.50.

⁹ Wilson E.O. On Human Nature. Cambridge. Mass., 1978. P.80–96.

¹⁰ Рьюз М. Философия биологии. М., 1977. С.302.

¹¹ Рьюз М. Указ. соч. С.4–6.

¹² См.: Никольский С.А. Социобиология – биосоциология человека? // Буржуазная философская антропология XX века. М., 1986. С.176–187.

¹³ Alexander R. The Biology of Moral Systems. N.Y., 1987. P.35.

¹⁴ Карпинская Р.С., Никольский С.А. Социобиология: критический анализ. М., 1988. С.77.

¹⁵ Hamilton W.D. The genetical theory of social biology // J. Theor. Biol. 1964. Vol.7, №1. P.1–16.

¹⁶ Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма // Новый мир. 1961. №10. С.193–214.

¹⁷ Wheeler W.M. The social insects: their origin and evolution. N.Y., 1928.

¹⁸ См.: Бутовская М.Л. Эволюция человека и его социальной структуры // Природа. 1998. №9.

¹⁹ Clark S.R.L. The Nature of the Beast: Are Animals Moral? Oxford, 1982. P.98–99.